

**«ПРОЭКТЫ О ДОЛЖНОСТЯХ» (1725 г.)
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ
РАБОЧИХ ЗАВОДОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВЕДОМСТВА**

Для изучения положения рабочих в первой половине XVIII в. необходимо расширение круга используемых источников. В связи с этим рассмотрим весьма своеобразный, не использованный в литературе источник — «проекты о должностях» служителей артиллерийского ведомства.¹ Ценность «проектов» определяется наличием в них сведений, не известных по другим источникам. «Проекты» представляют собой подготовительные материалы для выработки первого артиллерийского устава. Это — документ, типичный для петровского периода с его стремлением к регламентации всех сторон государственной и общественной жизни. Во исполнение указа Петра I о составлении каждой коллегией для себя регламента,² Военная коллегия начиная с 1723 г. стала требовать от подчиненных ей ведомств составления ведомственных регламентов для выработки на их основе регламента коллегияльного. Вследствие этого ведомство Главной артиллерии 29 апреля 1725 г. затребовало от всех своих команд представления «проектов... о должности всех чинов служителей всякого звания».³ «Проекты» должны были быть составлены «вышними командирами» «со общего согласия своих товарищей». Ведомство Главной артиллерии приказало составить «проекты» срочно, в течение двух недель, однако они поступили

¹⁰ Сб. РИО, т. 69, стр. 82—89; 1 ПСЗ, т. VII, № 5125.

¹ Документ хранится в АВИМ (ф. сборный, оп. 13, св. 5847, д. 1). К этому источнику дважды обращались военные историки, которые взяли из него данные о технических качествах русской артиллерии и сведения об обязанностях и знаниях артиллеристов разных чинов (История отечественной артиллерии, т. I, кн. 2. М., 1960, стр. 74—76; Е. Е. Колосов. Реорганизация русской артиллерии в связи с военными реформами первой четверти XVIII века. Дисс. Л., 1961, стр. 224, 229, и др.). Однако исследования источника названными авторами проделано не было, а та часть его, в которой имеются сведения о положении рабочих, вовсе не привлекла к себе их внимания.

² Указ от 11 мая 1722 г. (1 ПСЗ, т. VI, л. 678).

³ Выписки из протоколов заседания Главной Артиллерии (АВИМ, ф. сборный, оп. 13, св. 5847, д. 1, лл. 258, 58, 84).

в соответствующую канцелярию лишь во второй половине 1725— начале 1726 г.

Предметом нашего изучения будут служить «проекты о должностях», составленные на заводах артиллерийского ведомства. Сохранились «проекты», поступившие с Охтенского порохового, Санкт-Петербургского порохового, Сергиевского и Самарского серных заводов, Красноярского селитренного, Московского арсенала и Санкт-Петербургского пушечного литейного двора. Все это подлинники, скрепленные подписями заводских комиссаров. «Проекты» различны по объему. По внешнему виду они сходны: написаны на больших листах в десь, разбиты на разделы, которые в свою очередь поделены на параграфы. И разделы, и параграфы имеют заголовки. «Проекты» были не только подписаны комиссарами, но и составлены ими.⁴ Комиссары были наиболее сведущими людьми во всех заводских делах, поэтому составленный ими документ безусловно представляет интерес.

Поскольку «проекты» должны были послужить материалом для составления регламента Военной коллегии, который надлежало составить по типу адмиралтейского регламента, постольку и комиссары обязаны были при составлении «проектов» руководствоваться прежде всего адмиралтейским регламентом. Помимо него, Главная артиллерия предлагала использовать при их составлении воинский сухопугный и морской уставы, портовую книгу и «прочие права».⁵ Сравнение наших источников с вышеназванными документами убеждает в том, что адмиралтейский, воинский, морской и портовый уставы оказали на составителей весьма значительное влияние: «проекты» написаны в уставной форме; их внешний вид (деление на разделы и параграфы) соответствует делению адмиралтейского регламента; из уставов заимствованы и общие положения. Главная артиллерия требовала от комиссаров составить «проекты о должности всех чинов служителей всякого звания, на тех заводах обретающихся, ясно со отписанием подробных всех обстоятельств о каждом чине порознь, что кому в службе ее императорского величества исправляти и каким образом в своей должности поступати подобает».⁶ Следовательно, комиссары должны были на основании тех порядков, которые действительно существовали на заводах (иначе зачем было и обращаться к руководителям заводов!), составить документ, в котором в идеальном, образцовом, с точки зрения правительственных лиц того времени, виде были бы зафиксированы нормы поведения всех работавших на заводе людей. Итак, «проекты» — документ, отразивший прежде всего правительственную политику первой четверти XVIII в. по отношению к военным заводам. Составляя «проекты», комиссары знали, что проекты эти

⁴ Доношения Лионтиева и Гинтера (там же, лл. 88, 67).

⁵ Выписка из протоколов заседания Главной артиллерии (там же, лл. 58, 84).

⁶ Из указа Главной артиллерии комиссару Бахтеярову (там же, л. 85).

послужат основой составлявшегося устава, т. е. вернутся к ним же в качестве документа, обязательного для исполнения. Это, надо думать, заставляло их при сочинении того, чему «подобает» быть, держаться ближе к тому, что «было», записывать такие нормы жизни, которые приближались к существующим и легко могли быть введены в жизнь. Некоторые пункты «проектов» служат несомненным подтверждением того, что, составляя их, комиссары исходили из положения дел на заводах: комиссар Сергиевских и Самарских серных заводов, например, кончал свой «проект» разделом «В добавку надобно», в котором просил Главную артиллерию прислать ему 12 человек, «бес которых оных заводов править не кем»; комиссар Санкт-Петербургского порохового завода приводил целый ряд бытовых деталей. Различие «проектов» по содержанию тоже является доказательством того, что каждый «проект» отразил жизнь определенного завода. Наконец, проверка ряда положений «проекта» более достоверными источниками, предпринятая нами по материалам Санкт-Петербургского порохового завода,⁷ также убеждает в том, что рассматриваемый источник верно отразил действительную жизнь заводов.

Структура заводов артиллерийского ведомства в 1725 г. представляется по «проектам» в следующем виде: во главе завода стоял комиссар, которому подчинялись все работавшие на заводе люди. Ему непосредственно были подчинены мастера (пушечные, плавильные, котельные, инструментальные и др.). Под начальством каждого мастера имелись подмастерья и ученики. Термин «ученик» представляет собой специфическое название рабочих людей на изучаемых предприятиях. Однако употребление этого термина не лишено смысла, так как большая часть рабочих людей на изучаемых заводах должна была обладать определенной квалификацией и в их работе иногда присутствовал элемент ученичества. Мастера и подмастерья имелись лишь по наиболее важным на каждом заводе специальностям. Те работники, специальность которых была представлена на заводе небольшим числом людей, подчинялись непосредственно комиссару. Назывались они либо ремесленниками («о меховых ремесленниках», «о паникадильных и медного дела ремесленниках»), либо просто по названию своей профессии (печники, слесари и др.). Мастера, подмастерья, ученики, ремесленники вместе назывались мастерскими людьми, или слушителями.

Проекты уставов дают картину жизни рабочих военных предприятий. Именно военным характером заводов объясняется существовавшая на них строгая система охраны. «Везде» и днем и

⁷ Перечисление профессий служителей, даваемое «проектом», совпадает с именными списками; положение «проекта» о повышении жалованья ученикам или повышении их чином подтверждается формулярными списками и челобитными; положение «проекта» о работе учеников под наблюдением мастеров подтверждается записками о дневной выработке, и т. д.

ночью несли караульную службу солдаты под командованием специального унтер-офицера. Проверка добросовестности караулов вменялась и в обязанность комиссару. Наблюдение за рабочими было не менее важной задачей охраны, чем оберегание заводов от посторонних людей, которые «украдкой явятся на завод». Из 13 пунктов проекта Санкт-Петербургского порохового завода о караульной службе 8 пунктов посвящены надзору за рабочими. Комиссар и унтер-офицер бдительно следили за тем, чтобы между учениками и солдатами не устанавливалось «сообщества». При уходе с заводов в обеденный перерыв или по окончании рабочего дня учеников и подмастерьев обыскивали сначала мастера, потом охрана. Охрана не выпускала мастеровых людей с территории завода до шабашного колокола. Солдаты охраны арестовывали тех учеников и мастеров, которые являлись виновными в каких-либо проступках. Таким образом, охрана была постоянно находившейся на заводах военной силой, готовой выполнять приказы заводского начальства.

Жизнь мастеровых людей была подчинена строжайшей дисциплине, имевшей сходство с дисциплиной военной. Рабочий день начинался рано. Первыми на территорию завода приходили ученики, собирались на определенном месте и ждали подмастерьев, которые приходили «прежде мастера». Ученики отдавали подмастерью «должную честь», подмастерье перекликал их по именам, после чего отдавал приказ «ко отправлению работ». Обычно до прихода мастера ученики чистили дороги, обметали снег. К концу этой работы приходил мастер, принимавший у подмастерья рапорт «о учениках, что все оне в зборе или нет». Мастер распечатывал мельницы и амбары (в редких случаях это по его особому приказу делал подмастерье) и определял учеников по работам. Производственные процессы на каждом заводе и в каждой мастерской были различны. Уставы содержат подробные перечисления того, что делали мастера, подмастерья и ученики каждой профессии. Обычно наиболее подробно излагаются обязанности мастера. Подмастерье должен быть послушен мастеру, «а в небытность мастера надлежит оному подмастерью то ево дело править по ево приказу». Ученикам следовало у мастера учиться «неленосно и во всем оному помогать». Обучение происходило в процессе работы, от учеников требовалось «смотреть и примечать, чтоб можно и самим знать». «Проекты» запечатлели имевшееся в первой четверти XVIII в. стремление к тому, чтобы мастеровые люди были грамотными. Знание грамоты — одно из постоянно повторяющихся предъявляемых к ученику требований. «Безграмотных» учеников запрещалось не только «переменять чином», но даже повышать им жалованье. Главной обязанностью учеников являлось беспрекословное повиновение мастеру и подмастерьям. Каждый ученик выполнял определенную работу, но если ему приказывали «ради скорости и нужного случая» делать другую работу, то он должен был «без

всякой отговорки исправлять ее». Ученика разрешалось заставлять работать дополнительно, он не имел права «огрызаться против мастера или подмастерья, ежели что он заставит сделать в нужном времени, хотя и не его череда». Мастерские люди были обя-заны «для внезапного какова дела» работать в праздничные и воскресные дни. Они должны были «отправлять свою работу со всякой прилежностью». Работа должна была идти «безостановочно и порядочно», «без всякого празднества». Ученик не имел права отлучаться с работы по своим делам даже с позволения мастера, для этого требовалось разрешение комиссара. Обед не прерывал работы, сперва уходила обедать половина учеников, по ее возвращении и пересчете — другая половина. Кончали работу на петербургских заводах «как солнце зайдет, а в субботу в вечеру в благо-вест вечеренной, а накануне праздника болшаго за час до ве-черни». Для характеристики заводских порядков во время работы следует остановиться также на правилах использования инстру-ментов. Обычно инструменты и припасы получали мастера. Каждое утро они выдавали их ученикам, а каждый вечер собирали, осма-тривая, все ли цело. При таком порядке сразу обнаруживался ученик, виновный в поломке инструмента. Испорченный инстру-мент иногда осматривал даже сам комиссар — «от чего повреждено или изломано». Если инструмент было возможно починить, то его отдавали кузнецу; если же инструмент был изломан так, что его починить было невозможно или был утерян, то стоимость его над-лежало вычесть из жалованья ученика. В тех пунктах «проекта», где речь идет об использовании сырья и инструментов прогляды-вает постоянное настороженное отношение заводской администра-ции к работным людям. По мнению комиссаров, только строгий надзор мог спасти от того, чтобы работные люди сознательно не портили сырье или инструменты: в «проекте» Сергиевских и Са-марских заводов, например, записано, что необходимо строго сле-дить за тем, чтобы работные люди, найдя серу, не уничтожили бы ее.

Элемент военизации сказался в том, что являться к комиссару мастерские люди должны были в определенной одежде, она должна была быть не просто опрятной, но приближалась к форменной (позднее на заводах были введены мундиры). За явку к комис-сару «в работном платье худом» мастерских штрафовали, «не-смотря ни на что». Самым ценным в «проектах» является то, что они дают возможность рассмотреть положение мастерских людей после окончания работы на заводе. После выхода ученика с тер-ритории завода его подчиненность мастеру и комиссару отнюдь не прекращалась. Мастерские люди не имели права без разрешения комиссара на Сергиевских и Самарских, мастера на Петербургских заводах отлучиться из слободы, где они жили, ни в праздничные дни, ни вечером в работные дни. Запрещалось не только самим сходить со двора, но и принимать у себя гостей или постояльцев,

запрещалось пускать бродячих торговцев на завод или в слободу. Лишь в определенные часы в пределах слободы разрешалось идти в кабак или шинок, в гости или играть в карты. Все другое время мастеровые люди были обязаны находиться на своем дворе. Мастер должен был смотреть «в слободе над учениками порохowymi по дважды в ночь, то есть с вечера и в полночь, чтобы они все в урочные часы были и ночевали дома». Если кто сходил со двора без спросу или не ночевал в своем доме, о таком мастер поутру рапортовал комиссару. По приказу ходили в церковь. Мастеровые люди были подсудны комиссару по всем делам, кроме тех, «которые явятца к гражданскому наказанию на площади публично, о таких доносить ему, комиссару, в Главную артиллерию». Наказывать мастеровых людей имел право только комиссар, мастеру и подмастерью запрещалось наказывать учеников. Обычным наказанием для учеников было битье батогами, реже штраф. Мастеров, как правило, наказывали по военному артикулу. В «проектах» отразилось стремление заводского начальства поддерживать существование социального неравенства между комиссаром, мастерами, учениками. Комиссару запрещалось вести себя «фамилиарно» с мастерами, «чтоб не потерять своего почтения у них». Мастер должен был держать себя перед учениками и подмастерьями так, чтобы вызвать у них почтение, а для этого ему запрещалось играть с ними в карты, ходить вместе в кабак или шинок.

Мастеровые люди получали хлебное и денежное жалованье. Оно являлось единственным средством их существования. Но в использовании жалованья они вольны не были. Они не имели права продать или заложить свою личную вещь, купленную на жалованье. Каждую вновь купленную вещь полагалось объявлять комиссару, «дабы он знал, что у кого платя есть новаго и обуви». Регламентировалось даже количество водки, которое разрешалось выпить в день получения жалованья — «ради веселья позволяется женотому с женою и з детми на весь его дом пропить гривна», «позволяется один алтын пропить каждому холостому». Судя по тому, что речь об уплате учениками долгов идет несколько раз, можно заключить, что одалживание было постоянным явлением. По получении жалованья ученики обязаны были сразу же уплачивать свои долги, чтобы не потерять «впредь своего кредита». Отдельные пункты проектов, видимо, прямо направлены против случаев, имевших место в жизни. В частности, запрещение продавать еще не полученный хлеб или перепродавать его «кому в своей команде» или посторонним людям показывает, что среди рабочих шла торговля еще не полученным «хлебным жалованьем». Мастеровые люди не имели права покинуть завод, хотя бы и заменив себя другим человеком.

Итак, «проекты о должностях» правильно отразили заводскую действительность. Положение мастеровых людей на заводах артиллерийского ведомства характеризуется, согласно этому источнику,

их полным подчинением начальству как в рабочее время, так и по окончании его, строжайшей, близкой к военной, дисциплиной, обязательной пожизненной работой. Лучше всего его выражают слова самого «проекта» — «не давать воли им ни в чем».